

DOI 10.35775/PSI.2024.111.11.004

УДК 32

Д.В. ЛОГВИНОВ

аспирант кафедры истории социально-политических
учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
E-mail: logvinov.msu8@yandex.ru

НАЦИОНАЛИЗМ И СЕПАРАТИЗМ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ: Л.Г.С. МЕХЕЛИН (1839-1914)

В современном мире наблюдается беспрецедентная геополитическая напряженность, чреватая возникновением конфликтов между государствами и военно-политическими блоками. Новый виток дает и цивилизационное противостояние коллективного Запада и России, подкрепляемое русофобской пропагандой. Поэтому изучение русофобии, ее корней и содержания приобретает особую актуальность для отечественных исследователей. В данном контексте большой интерес представляет фальсификационный характер исследований сторонника независимости Финляндии – Леопольда (Лео) Генриха Станислава Мехелина (1839-1914), служивших реализации национальных амбиций Финляндии и демонизации образа России. В работе применяются методы историко-библиографического и политико-текстологического анализа, чтобы изучить положения финляндского национализма и сепаратизма в жизни и творчестве Лео Мехелина. Особое внимание уделяется русофобским нарративам и политическим идеям, которые использовались для легитимации стремления Финляндии к независимости. Итогом исследования становится выявление признаков русофобского дискурса, сводящегося к систематическому умалчиванию важных исторических документов, намеренным искажениям исторической действительности и фальсификациям с целью формирования определенного общественного мнения, новой социально-политической реальности.

Ключевые слова: финляндский вопрос, Лео Мехелин, независимость, русофобия, пропаганда, право.

Для международной обстановки на современном этапе характерна высокая степень поляризации и турбулентности. Стабильности ей не добавляет и противостояние России с западными странами. Вместе с тем надо отметить, что за последнее время русофобия стала неотъемлемым инструментом гибридной войны стран так называемого коллективного Запада в отношении России.

Убедительными являются слова о том, что «русофобия становится основной внешнеполитической стратегией и внутривнутриполитической пропаганды многих стран» [1. С. 231]. Так, например, западные демократии испытывают страх перед Россией, которая хочет идти путем русских духовных

и культурно-исторических традиций, поэтому стремятся доказать своим гражданам через рупор государственной пропаганды, что влияние русского национального начала на жизнь государства опасно и недопустимо [10. С. 404-405]. В данном контексте изучение русофобии, его истоков и содержания является важным аспектом развития отечественной политологической науки [13; 14].

В рамках проводимого исследования наиболее близким термином кажется видение русофобии как «определенного набора антирусских и антироссийских штампов, клише, отрицательных стереотипов» в купе с использованием подлогов, фальсификации документов, мистификации, полуправды и других манипулятивных приемов, создающих эффект иллюзии правды, способствующих формированию определенного образа России в массовом сознании [12. С. 43]. Одним из проводников идеологии финского сепаратизма стал финляндский сановник Лео Мехелин, известный по мистификациям российского общества и власти и жонглированию историческими событиями.

«Конституция Финляндии», которую Мехелин писал на французском языке для европейского читателя, являлась программным документом сторонников независимости Великого княжества Финляндского. Ключевым положением книги является тот «исторический» факт, что Российскую империю и независимое Великое княжество Финляндское связали союзные отношения, основанные на равноправном договоре финляндских сословий и российского императора. Из данного соглашения следует, что российский император ограничен в верховных правах по управлению Финляндией «историческими» правами финнов. Другая идея Мехелина предполагает, что Финляндия является суверенным государством, которое находится в «личной унии» с Россией [5. С. 12-18]

Однако теория самостоятельного Финляндского государства разбивается о русско-шведское мирное соглашение 1809 года. Именно поэтому Мехелин и обошел его вниманием: мирный договор подрывает претензии Финляндии на независимость, не поддается произвольной интерпретации или двойственным оценкам, а потому не может стать предметом фальсификаций. Область, подчиненная России, никогда не имела возможности вести переговоры с императором Александром I на основе «исторических» прав, которые позволили бы ей выступать в качестве независимого партнера. Четвертая статья Фридрихсгамского мирного договора свидетельствует о том, что шведский монарх отказывается от притязаний на Финляндию, губернии которой «будут состоять в собственности и державном обладании Империи Российской и к ней навсегда присоединятся» [11. С. 119]. Ранее, в рамках исполнения воли императора Александра I, изложенной в манифесте «О покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» 1808 года, все население Финляндии присягнуло российскому государю на верноподданство по общей русской присяге [11. С. 127]. В свою очередь, редакция российской газеты «Московские ведомости» акцентировала внимание на том, что Фридрихсгамский мирный договор является фундаментальным нормативно-правовым актом, определяющим условия вхождения Финляндии в состав России не как «самостоятельной

политической единицы», а как совокупности «губерний и областей». Более того, газета ставит в укор Мехелину намеренное замалчивание в своих трудах положений Фридрихсгамского мирного договора [8. С. 34].

Развенчанию «финской легенды» во многом способствовал и К.Ф. Ордин, «русский человек, достаточно русский, чтобы думать об интересах России, достаточно знающий Финляндию, чтобы дать отпор сепаратистским подвохам» [8. С. 561]. Так, в российском обществе широкий резонанс приобрела полемика Мехелина и Ордина по поводу «исторических» предпосылок автономного статуса Финляндии в составе Российской империи. Лео Мехелин, анализируя присоединение Финляндии к Российской империи, рассматривает Боргоский сейм 1809 года как историческое событие, благодаря которому император Александр I услышал истинный голос финляндского народа. Однако Кесарь Филиппович не дает таких категоричных заключений, сообщая, что Александр I рассматривал Сейм исключительно как совещательный орган [5]. Более того, Ордин критиковал финского общественного деятеля за необоснованное использование строгих правоведческих терминов, подчеркивая, что в тот момент и во всех речах императора и финских деятелей, и во всех актах Финляндия обозначалась как «провинция», а не «государство», как бы того хотелось Лео Мехелину [5. С. 13].

Летом 1890 г. Лео Мехелен участвовал в радушной встрече комиссии Европейского тюремного конгресса, которая прибыла в Финляндию. К ее визиту хельсинская газета на шведском языке *Nya Pressen* подготовила брошюру, агитировавшую за финляндскую автономию. В агитационной брошюре была также раскрыта реформа Уголовного Уложения, дававшая сторонникам независимости Финляндии основания причислять себя к носителям передового правового опыта [8. С. 382]. Вместе с тем сепаратисты из *Nya Pressen* как бы невзначай транслируют мысль о том, что народ, стремящийся к реализации передового правового опыта эпохи на практике, заслуживает «самостоятельной национальной и политической жизни» [8. С. 383]. Помимо того, что финские чиновники старались заручиться поддержкой и сочувствием гостей из Европы, они использовали встречу с членами Тюремного конгресса как предлог для того, чтобы обвинить Российскую империю в притеснении финской культуры: «всякий друг человечества горько пожалеет, если враждебным культуре русским удастся уничтожить самобытность, а вместе с тем и внутреннюю нравственную силу этого [финского] народа» [8. С. 392].

Западная пресса также использовала свое влияние для поддержки финских сепаратистов. Немецкое издание консервативной прессы «Крестовая газета», являвшейся органом антироссийской пропаганды, с готовностью процитировало речь Мехелина, прозвучавшую на встрече с европейской делегацией. Финский политик, заигрывая с зарубежными гостями, заявил об общности устремлений Финляндии и других народов Европы в области развития науки, культуры и социальной жизни. Однако, как это водится, прогрессу Великого княжества Финляндского грозила опасность со стороны России, притесняющей культурные права Финляндии [8. С. 391].

Большой мечтой финляндских либералов была идея создания финской армии. В 1878 г. был издан новый воинский устав для Финляндии, который резко подчеркнул тенденции сепаратизма. Из документа следовало, что финляндские войска служат исключительно национальным интересам Финляндии и что русским подданным служить в них запрещено. Нововведения предполагали, что финские рекруты должны нести воинскую службу только в пределах княжества и могут вступать в бой только в случае угрозы Финляндии. Был введен также целый ряд положений, подчеркивающих раздельность российской и финской армий. Например, военные вопросы финляндских воинских подразделений решал военный министр, а административные и финансовые – министр статс-секретарь по финляндским делам и генерал-губернатор, который также возглавлял Финляндский военный округ. В соответствии с новым воинским уставом Финляндии финляндская армия финансировалась за счет доходов от эксплуатации казенных земель, поступавших в милицейский фонд, а особое судебное военное законодательство регулировало внутренние дела финляндских войск [4. С. 105-106].

В контексте создания финской армии особую актуальность приобретают слова Лео Мехелина, произнесенные им на презентации воинского устава, о том, что «отношение к покровительствуемому и безоружному будет совершенно иное, чем к вооруженному союзнику» [3. С. 395]. Помимо прочего, говоря о целесообразности финляндской армии, российский публицист Ф. Еленев задавался вопросом о том, что у Финляндии нет естественного противника, а в случае участие Российской империи в военном конфликте со странами Европы защищать побережье Прибалтики будет регулярная российская армия [2. С. 190]. Таким образом, необходимость регулярной финляндской армии признавали только сторонники независимости края, рассматривавшие этот шаг как необходимое условие суверенитета.

Как потом оказалось, опасения консервативной части российского общества насчет того, что финляндская армия может стать рассадником сепаратистских идей не были беспочвенны. Еще в 1890 году печатный орган сторонников независимости Великого княжества Финляндского *Nya Pressen* анонсировал создание одного из первых тайных комитетов, осуществлявших сепаратистскую агитацию в Финляндии и за рубежом под руководством Лео Мехелина [8. С. 623]. Наряду с этим, армейская среда способствовала созданию радикальных общественных организаций «Войма» и «Красная Гвардия», деятельность которых носила террористический характер и была направлена на полное отделение Финляндии от России посредством вооруженного восстания. Одним из способов достижения поставленной цели сепаратисты видели слом политической системы Российской империи через солидаризацию с революционными деятелями в России.

Министр внутренних дел Российской империи П.А. Столыпин на заседании Государственной Думы Российской империи в 1908 году отмечал возрастающую враждебность ко всему русскому со стороны коренного населения Финляндии и, что более значимо, обвинял финскую интеллигенцию в сотрудничестве

с русскими террористами. Ссылаясь на доклад бывшего генерал-губернатора князя Оболенского, Петр Аркадьевич подчеркнул, что в ходе заседания одной из комиссий финский сенатор Лео Мехелин, обладая актуальной информацией о начале революции в Российской империи, призвал к отстаиванию интересов Финляндии на фоне эскалации революционных настроений [7].

Лео Мехелин, как один из видных идеологов финляндского национализма, разделял мысль о солидаризации оппозиционных сил России с революционерами из Финляндии и принимал деятельное участие в Парижской конференции. В 1904 году в Париже финские политики, не так давно составлявшие «пассивное сопротивление» в Финляндии, инициировали форум революционных и оппозиционных партий России. Таким образом, после высылки за пределы Российской империи, они продолжили подрывную деятельность, направленную на деспециализацию России, уже в рамках активного сопротивления: финские революционеры создали комитет, который продемонстрировал готовность сотрудничать с российскими революционными кругами ради ниспровержения государственного строя Российской империи. На полях конференции в Париже участники подписали декларацию, основными положениями которой были отмена всех мероприятий, нарушивших конституционные права Финляндии, уничтожение российской монархии и учреждение демократической власти в России [6. С. 158-161].

Таким образом, финские сепаратисты стали не только сердцем антироссийской пропаганды в Европе, но и организаторами важной антигосударственной конференции. Помимо этого, не имея возможности опереться на военную силу, они выбрали тактику террора, жертвой которой за непродолжительный отрезок времени стали финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков, прокурор финляндского Сената старофинн Ионсон и жандармский полковник Крамаренко. Также была предпринята попытка покушения на тайного советника В.Ф. Дейтриха. Акции террора демонстрировали стремление финляндских сепаратистов распоряжаться вооруженной силой, попытку создания которой на законодательном уровне официальные власти Российской империи пресекли.

Таким образом, Лео Мехелин принял активное участие в создании идеологической базы финского национализма. Однако интеллектуальные построения Мехелина являются подделкой, преследующей цель манипулировать общественным сознанием в политических целях [9. С. 78]. Характерными признаками творчества финского политика являются произвольный анализ «удобных» исторических документов, превратное толкование и субъективная оценка нормативно-правовых актов, порождающие искажение исторической правды – как известно, «многократно повторенная ложь становится правдой» [1. С. 234].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Русофобия: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1.

2. **Еленев Ф.** Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1891.
3. **Замысловский Г.Г.** В борьбе с ненавистниками России. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
4. **Лапин В.В.** Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1.
5. **Мехелин Л.** Конституция Финляндии / пер. с прим. и доп. К. Ордина. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1888.
6. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900-1922 гг. В 3-х т. 1900-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 1.
7. **Столыпин П.А.** Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной Думы 5 марта 1908 г. / Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991 // <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/stolypin.txt>.
8. Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса» / Издал Сергей Петровский. М.: Унив. тип., 1891. Вып. 1.
9. **Царегородцев С.С., Ширинянец А.А.** В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59).
10. **Шафаревич И.Р.** Русофобия // Есть ли у России будущее: Публицистика. М., 1991.
11. **Шиловский П.** Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903.
12. **Ширинянец А.А.** Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации. История. Историки. Источники. 2024. № 2.
13. **Ширинянец А.А., Сорокопудова О.Е.** «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2 // <https://www.vestnik-mgou.ru/jour/article/view/891/8812>.
14. **Шутов А.Ю., и др.** Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология // Тетради по консерватизму. 2015. № 2.

D.V. LOGVINOV

Postgraduate student of the Department
of History of Social and Political Studies, Faculty of Political
Science, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

NATIONALISM AND SEPARATISM IN THE GRAND DUCHY OF FINLAND: L. MECHELIN (1839-1914)

There is unprecedented geopolitical tension in the modern world, fraught with conflicts between States and military-political blocs. The civilizational confrontation between the collective West and Russia, supported by Russophobic propaganda, also gives a new round. Therefore, the study of Russophobia, its roots and content is becoming particularly relevant for domestic researchers. In this context, of great interest is the falsified nature of the research of the supporter of Finnish independence, Leopold (Leo) Heinrich Stanislav Mechelin (1839-1914), who served to realize Finland's national ambitions and demonize the image of Russia. The work uses methods of historical-bibliographic and political-textual analysis to study the positions of Finnish nationalism and separatism in the life and work of Leo Mechelin. Particular attention is paid to Russophobic narratives and political ideas that were used to legitimize Finland's desire for independence. The result of the study is the identification of signs of Russophobic discourse, which boils down to the systematic omission of important historical documents, deliberate distortions of historical reality and falsifications in order to form a certain public opinion, a new socio-political reality.

Key words: Finnish question, Leo Mechelin, independence, Finnish Russophobia, propaganda, law.